А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

69

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Вып. 69 МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 1957 год

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

И. Н. ХЛОПИН

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРОВЫ НА СОСУДЕ ИЗ КАРА-ДЕПЕ

(По материалам работ ЮТАКЭ 1955 года)

В 1955 г. ЮТАКЭ начала большие работы на холме Кара-депе у станции Артык, в 90 км на восток — юго-восток от Ашхабада [1]. Это памятник, относящийся к южнотуркменскому варианту культур с расписной керамикой, широко распространенных по всему Переднему Востоку. В ходе работ на двух раскопах общей площадью 800 кв. м был вскрыт слой, относимый по новой периодизации Б. А. Куфтина, установленной путем анализа керамических форм и орнамента, к культуре Намазга III (первая половина III тысячелетия до н. э.) [2].

Наиболее характерной особенностью слоя Намазга III на Кара-депе можно считать появление и широкое распространение в мотивах росписи керамики фризов с изображениями животных наряду с большим количеством видов геометрического орнамента. Орнаментация выполнена в технике, отличающейся от применявшейся при выработке сосудов нижележащих слоев, — почти черная, легко смываемая краска наложена с помощью кисти на светлый зеленовато-желтый или розовый ангоб рельефными линиями.

Среди многих сосудов, украшенных изображениями козлов, пятнистых животных из семейства кошачьих (условно названы нами барсами) и птиц, встречено несколько фрагментов с изображением пятнистого же животного, но не из семейства кошачьих. Сохранность одного из фрагментов позволила реконструировать форму сосуда и рисунок орнамента (рис. 55). Это глубокая чаша (высота — 15,5 см, диаметр венчика — 26 см), изготовленная ручной лепкой; тесто розовато-серое с примесью мелкой соломы. Снаружи и изнутри сосуд покрыт светлым ангобом. Верхнюю часть чаши занимает фриз шириной 9 см с изображениями животных. Он состоял, по-видимому, из семи повторяющихся групп; каждая включает изображение животного и трех птиц над ним. У птиц, часто встречающихся и в других сочетаниях, маленькая голова с большим клювом, длинная шея, заостренный хвост и короткие ноги, что позволяет видеть в них гусей или уток.

Породу животного определить труднее; изображение сильно стилизовано. Туловище целиком покрыто черными пятнами; хвост опущен вниз и

[1] В. М. Массон. Работы ЮТАКЭ в 1955 г. по изучению раннеанауских культур. Известия Академии наук Туркм. ССР, 1956, № 2.

[2] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Известия Академии наук Туркм. ССР, 1954, № 1; М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, 1955, стр. 239—242; История Туркменской ССР, т. I (макет). Ашхабад, 1955, стр. 25—30.

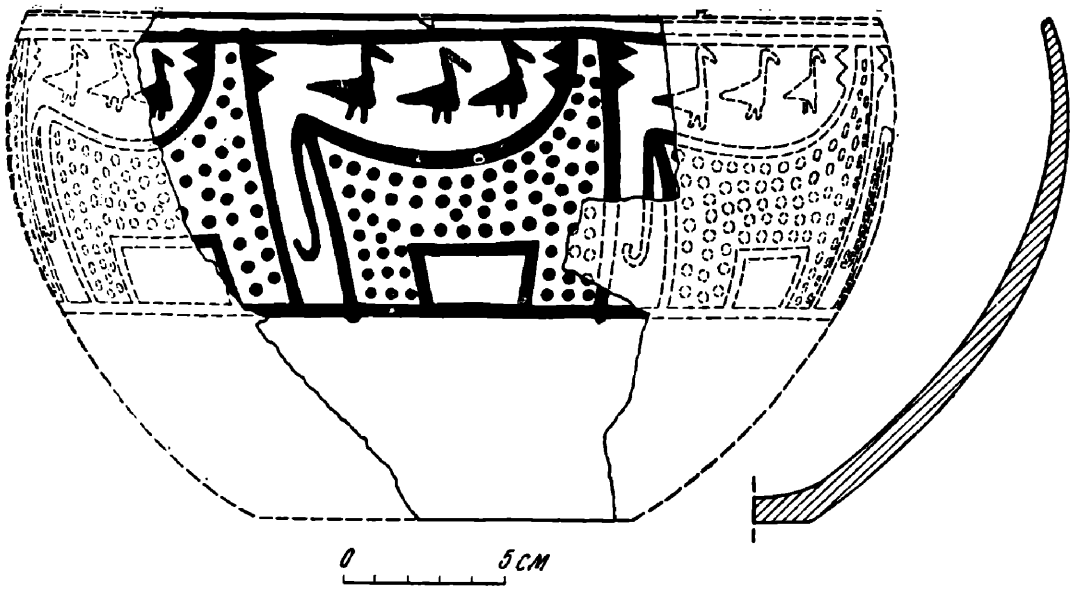

Рис. 55. Чаша с Кара-депе.

загнут на конце крючком; вместо морды — торчащие в стороны четыре конических отростка (по два с каждой стороны), прикрепленные непосредственно на шее.

Композиция, в которой сочетаются изображения животных и птиц, встречается и в других памятниках культур с расписной керамикой в Центральном Иране, Хузистане и Южном Белуджистане. Наиболее близкой аналогией в композиционном отношении являются изображения на сосуде и отдельных фрагментах, найденных в Сузском некрополе [3]. Здесь фриз включает изображение коровы с группой птиц около нее. В пользу такого определения породы животного свидетельствуют общий вид его и форма головы с рогами. Э. Херцфельд называет изображение двуцветным [4], но это не совсем точно, так как Р. Мекконем определенно указывает, что корова нарисована на полихромном сосуде темной, черной или коричневой краской [5]. По мнению Э. Херцфельда и С. Пиггота [6], фрагмент относится к сузской керамике II стиля и датируется временем позднего Джемдет Насра или раннединастическим, т. е. первыми веками III тысячелетия до н. э.

Сопоставление животных дает нам право считать, что на фрагментах сосудов из Кара-депе изображена пятнистая корова. Треугольные отростки на голове животного легко получают объяснение: верхняя пара — рога, нижняя — уши. Корова поставлена к зрителю боком, а голова ее повернута en face или затылком.

Наличие подобной композиции на сосудах из Суз не ограничивает круга аналогий. Изображение коровы и птиц встречено на фрагменте сосуда из Сиалка (Сиалк III, 7) [7], причем животное обладает длинными, направленными вперед рогами, а туловище покрыто двойной штриховкой.

---

[3] E. Pottier. Étude historique et chronologique sur les vases peintes de l'acropole de Suse. Mémoires de la Délégation en Perse, t. XIII. Paris, 1912, стр. 47, 48, фиг. 168, табл. XXX, 7.

[4] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, стр. 87.

[5] R. de Mecquonem. Catalogue de la céramique peinte susienne, conservée au Musée du Louvre. Mémoires de la Délégation en Perse, t. XIII. Paris, 1912, стр. 145.

[6] S. Piggott. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1952, стр. 115. Туловище коровы на рис. 12 в действительности не является пятнистым, так как оно в публикации Е. Потье покрыто штриховкой.

[7] R. Ghirshman. Fouilles de Tépé-Siyalk près de Kashan. Musée du Louvre, série archéologique, t. IV, Paris, 1938, стр. 51, фиг. 7.

Большое число сосудов с подобной композицией известно в памятниках, относящихся к культуре Кулли в Южном Белуджистане, которая датируется С. Пигготом серединой III тысячелетия до н. э.[8] В культуре Кулли сюжет изображения, по сути дела, тот же, но отличается от кара-депинского манерой рисунка; кроме того, на сосудах там изображалась индийская горбатая корова с большими рогами.

Изображения крупного рогатого скота и птицы подтверждают большую роль скотоводства в хозяйстве оседлого земледельческого населения. Различия в фигурах животных в Южной Туркмении, Иране и Южном Белуджистане позволяют говорить о том, что в III тысячелетии до н. э. население этих областей разводило разные породы крупного рогатого скота. Скотоводство не исключало, конечно, сезонной охоты на перелетных птиц, тем более что маршруты перелетов проходят с севера на юг как раз через области распространения культур с расписной керамикой.

Существование на столь обширной территории одинакового сюжета в росписи посуды — свидетельство постоянного взаимодействия общин, населявших в первой половине III тысячелетия до н. э. восточные области распространения культур с расписной керамикой. Поэтому вполне уместно считать, что сюжет (и композиция) орнамента «коровы с птицами» возник первоначально в областях Элама (в Хузистане). Оттуда он распространился на северо-восток и, достигнув северных предгорий Копет-дага, утратил реалистичность, превратившись в орнаментальную схему.

Таким образом, изображение «коровы с птицами» является сравнительно редким и встречается на сосудах только в определенный период развития той или иной культуры; оно свидетельствует о синхронности слоев Намазга III с Сиалком III, 7, Сузами D (по старой терминологии — Сузы II) и культурой Кулли и об одинаковом хозяйственном укладе носителей этих культур на данном отрезке времени.

---

[8] S. Piggott. Указ. соч., стр. 243.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вып. 76 1959 г.

И. Н. ХЛОПИН

ВЕРХНИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ КАРА-ДЕПЕ[1]

(По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.)

На юго-восточной части поселения Кара-депе у Артыка[2] в 1956 г. был заложен раскоп № 3 с целью вскрыть максимальную площадь верхнего строительного комплекса и выявить общий характер планировки древнеземледельческого поселения. Вскрытая часть (700 кв. м)[3] состоит не менее чем из 30 помещений разной величины. Многие из них соединены между собой дверными проемами, что позволяет наметить, по предварительным данным, пять жилых комплексов, изолированных, по-видимому, друг от друга (рис. 16)[4].

Стены построек сложены из сырцовых кирпичей с примесью самана (средние размеры 45 × 24 × 10 см) на глиняном растворе и имеют разную толщину, от 0,25 до 1,2 м. Специального фундамента при постройке не сооружалось, хотя во многих случаях использовались стены нижележащих зданий. Стены покрыты глиняной обмазкой, иногда в несколько слоев. Общее направление стен не совпадает со странами света, но очень точно повторяет направление стен в аналогичных памятниках подгорной полосы Южной Туркмении и смежных областей северного Ирана. Такое направление (ССВ—ЮЮЗ и ЗСЗ—ВЮВ) выдерживается довольно точно на протяжении многовекового периода и можно предположить, что оно установилось под влиянием каких-то определенных причин. Дверные проемы, проделанные в стенах толщиной 0,5 м, снабжены порогами высотой 5—10 см. В нескольких случаях обнаружены in situ подпяточные камни. Сделанные из известняка, они имеют вид высоких, сужающихся книзу цилиндров, в верхней плоскости которых глубокая лунка, а нижняя — плоская. Некоторые проемы, видимо, не имели дверей.

Каждый из пяти смежных жилых комплексов состоит, как правило, из одного-двух больших жилых помещений с углубленными в пол очагами и более мелких пристроек, по-видимому, хозяйственного назначения. Хотя в настоящее время еще ни один из комплексов не вскрыт целиком, все же уже можно дать их предварительную харакеристику.

[1] Доклад на Секции Средней Азии; отчетная сессия ИИМК АН СССР 1957 г.

[2] См. В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, № 1, 1957, стр. 147—160; его же. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связь с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47.

[3] Раскопки велись по квадратам 2 × 2 м; глубина раскопа не превышала одного метра. Отсчет ярусов (ярус = 0,5 м) производился от нулевой точки в северной части холма, и уровень раскопа не выходил за пределы V—VI ярусов.

[4] План помещен также в статье В. М. Массона (КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 23). Считаем необходимым публикацию плана и в настоящей статье, так как иначе описания автора будут непонятны. — *Ред.*

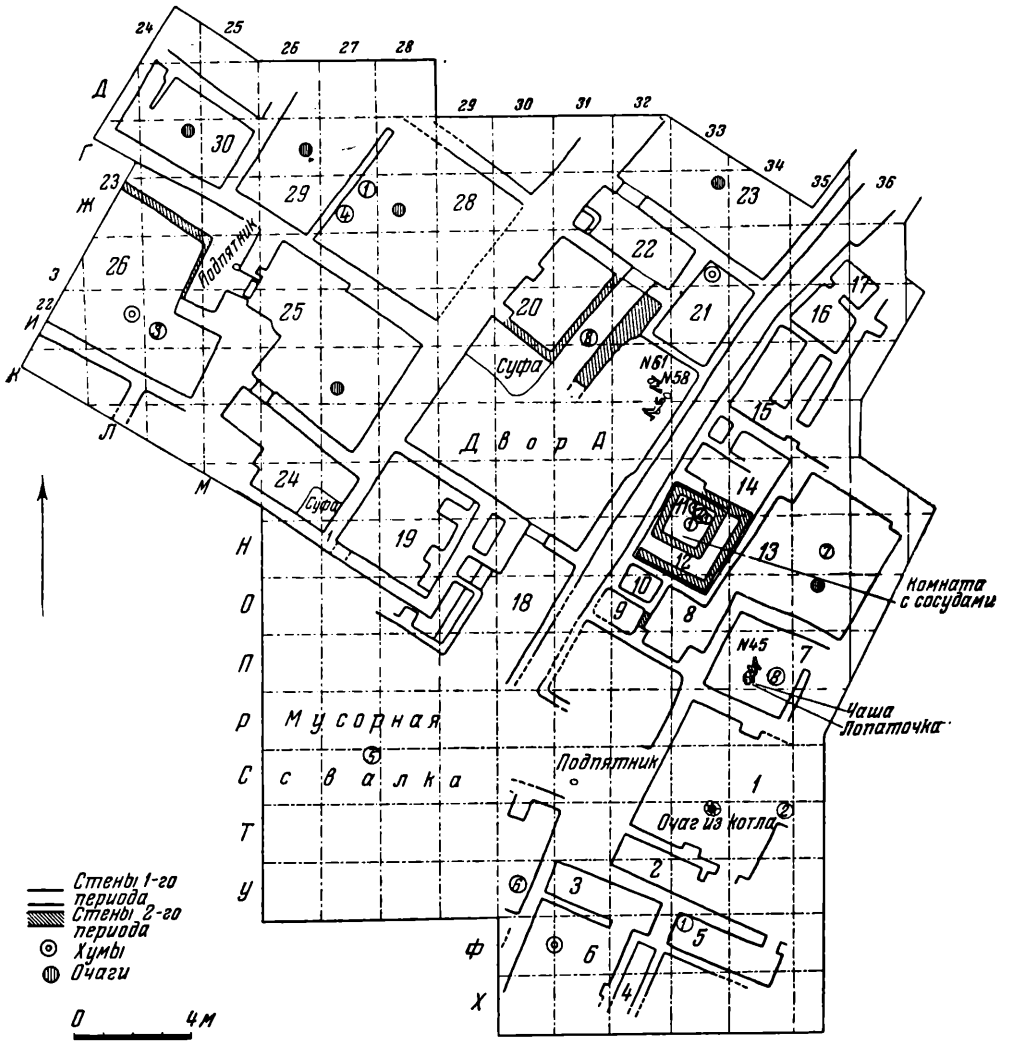

Рис. 16. Кара-депе. План раскопа № 3.

Цифры в кружках — места находок: *1* — глиняная женская статуэтка; *2* — фрагмент сосуда с изображением людей; *3* — головка «воина»; *4* — головка с росписью; *5* — глиняная мужская статуэтка; *6* — глиняный амулет; *7* — глиняные статуэтки животных; *8* — зернотерки.

Комплекс I включает в себя помещения 1—6. Он состоит из центрального, почти квадратного в плане помещения, две противоположные стены которого имели небольшие пилястры. Почти в центре его расположен углубленный в пол очаг, сделанный из верхней части котла — сосуда из грубого теста черного цвета, с почти шаровидным туловом и валиковым венчиком. К этому помещению примыкают узкие длинные комнаты.

Комплекс II включает помещения 7—17. Центральной можно, по-видимому, считать комнату 13. Здесь углубленный в пол на 16 см очаг — круглая яма около 0,3 м в диаметре, стенки которой обмазаны глиной и обожжены на 1—1,5 см в толщину.

Четко различаются два последовательных периода в существовании комплекса: наблюдается сооружение более мелких комнат (11 и 12) и закладка некоторых дверных проемов. Возможно, что в первый период

центральная комната через помещения 8 и 9 соединялась с улочкой. Помещения 11 и 12 представляют собой кладовые второго периода; в одной из них найдено 14 целых сосудов, 4 женские статуэтки, 3 керамических пряслица и большое количество костей домашних животных.

Комплекс III включает в себя помещения 18—23 и отделен от предыдущего узкой улочкой, длиной в 17,5 м. В центре его находится двор с остатками суфы, соединенный дверными проемами со смежными помещениями. Особо интересна комната 19, размерами 3,5 × 3,6 м; стены ее сохранились в высоту на 4—5 рядов кирпичной кладки. В юго-западном углу прослеживается, но недостаточно четко, дверь (стены сильно попорчены мусорной свалкой). Не исключена возможность, что двери здесь не было и сюда попадали через помещение 18. Между ними расположены маленькие комнатки, как бы сооруженные в толще стены и разделенные двумя ступеньками. Возможно, что эти-то ступеньки и являются остатками входа в помещение 19. Такой вход, отсутствие очага и какое-то сооружение из кирпича внутри помещения возможно указывают на то, что оно не было обычной жилой комнатой. Расположенные через двор помещения 22 и 23 (частично вскрытое) — хозяйственного назначения. Там найдены зернотерки с курантами, целые сосуды. Кроме того, в помещении 23 собрано много кусков печины и комки очень тонко отмученной глины желтого и красного цвета, что позволяет выдвинуть предположение о производственном назначении этой комнаты.

Комплекс IV отделен от комплекса III толстой (1,2 м) стеной и включает в себя помещения 24—27. В помещении 25 в центре — круглый очаг обычного типа; оно соединено с комнатой 24, явно жилой. В южном углу ее — суфа, сложенная из кирпичей. Из помещения 25 через хорошо сохранившийся дверной проем с высоким порогом и подпяточным камнем можно пройти в узкий длинный коридор (помещение 27). Оно отделено от помещения 26 тонкими стенами, явно вторичного характера; это позволяет считать, что в первый период существования здания помещения 26 и 27 составляли одно целое. В последующее время для того, чтобы попасть в помещения 25 и 24, был отгорожен узкий проход.

Комплекс V включает в себя помещения 28—30 и отделен от комплекса III той же толстой стеной. Во всех трех вскрытых комнатах — углубленные в пол круглые очаги, что позволяет считать их жилыми.

Вскрытая часть поселения не была последней в период обитания холма. Это подтверждается несколькими захоронениями на уровне полов верхнего строительного комплекса и наличием более поздней по времени мусорной свалки, с большим количеством угля, костей и керамики, относящейся к периоду Намазга III; свалка совершенно уничтожила архитектурные остатки в юго-западной части раскопа.

При раскопках обнаружено несколько погребений.

Погребение № 45[5] было впущено в помещение 7 и полностью повторяет обряд погребения, характерный для Кара-депе. Покойник положен на правом боку, на тростниковую подстилку типа циновки, обложен сырцовыми кирпичами; костяк ориентирован головой на ЮЮЗ; ноги скорчены, правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и лежит на груди. У левой лопатки находился сосуд, роспись которого характерна для керамики стиля Кара I[6], на левом плече — медное изделие в виде квадратного в сечении перекрученного стержня длиной в 16 см, один из концов которого представляет лопаточку, а другой оканчивается утолщением сигарообразной формы.

---

[5] Нумерация погребений принята общая для всего памятника.

[6] В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, № 1, 1957, стр. 150—151; его же. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73.

Два других погребения (№ 58 и № 61), открытые на центральном дворе А, ориентированы в противоположную сторону, хотя их положение такое же, как у предыдущего. Изменение ориентации пока не поддается объяснению и является исключением для Кара-депе.

По всей видимости, численность населения ко времени, когда были произведены захоронения, сильно сократилась, и оно жило, вероятно, на западной, более низкой части холма. Это может быть подтверждено тем, что на раскопе № 2 в 1955 г. были вскрыты в верхних ярусах остатки двух последовательных жилищ. От верхнего здания сохранились лишь керамические вымостки на полах, непосредственно под дерновым слоем;

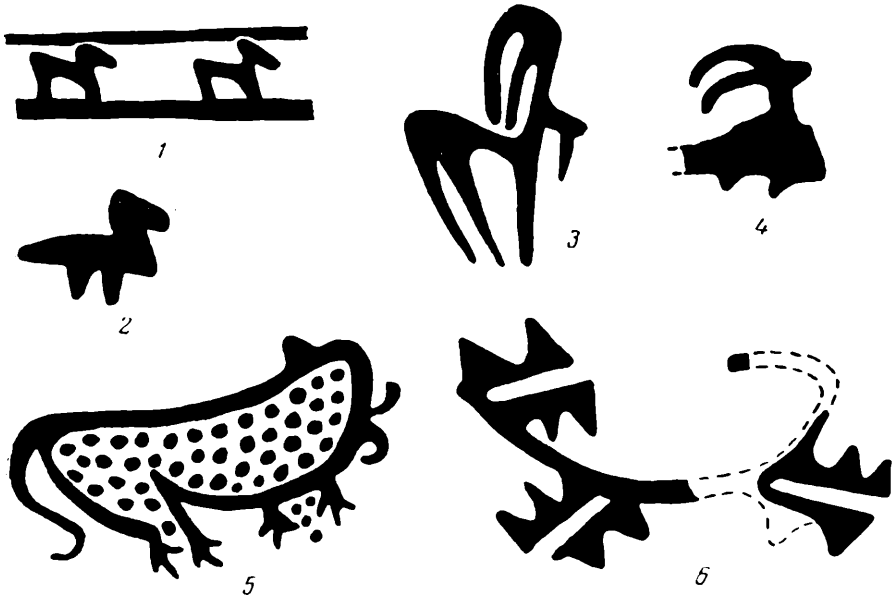

Рис. 17. Изображения животных на сосудах.

под ними находились остатки другого здания с сохранностью стен на 3 ряда кирпичей, с очагом прямоугольной формы и врытыми в пол грубыми сосудами без дна, служившими, по всей видимости, сандалами. Ни тот, ни другой комплекс не были нарушены погребениями и содержали керамику стиля Кара I, что позволяет считать эту часть холма заселенной в последнюю очередь.

Большинство находок на раскопе составляет глиняная посуда, изготовленная без гончарного круга, которую можно подразделить на три группы: расписную, серолощеную и грубую кухонную.

Расписная посуда представлена в основном мисками и чашами разной величины, хотя встречаются и другие формы: тарелки, плошки, «чайник» с носиком и др. Все сосуды покрыты светлым зеленовато-белым или красным ангобом, поверх которого наносилась роспись черной или темно-коричневой краской.

Анализ геометрического орнамента дает возможность определить, что, во-первых, продолжается развитие более древних местных традиций времени Намазга II, во-вторых, многочисленные фрагменты с очень специфической полихромной росписью восточного, геоксюровского типа могут, по-видимому, указывать на определенные постоянные связи с бассейном Теджена в пору позднего Намазга II—раннего Намазга III. Особую группу образуют впервые появляющиеся в этом периоде изображения

животных на посуде: козлов, барсов, птиц и др. (рис. 17 — *1—6*). Пока только изображение козла находит в местной культуре свои прототипы; остальные хорошо связываются с материалами из поселений северо-восточного Ирана, в первую очередь, со слоями IB — IIA Гисара[7], и слоем III, 2—7 Сиалка[8]. Специфика этих изображений позволяет синхронизировать верхний слой Кара-депе с названными слоями Гисара и усматривать в их появлении определенное влияние из этих областей.

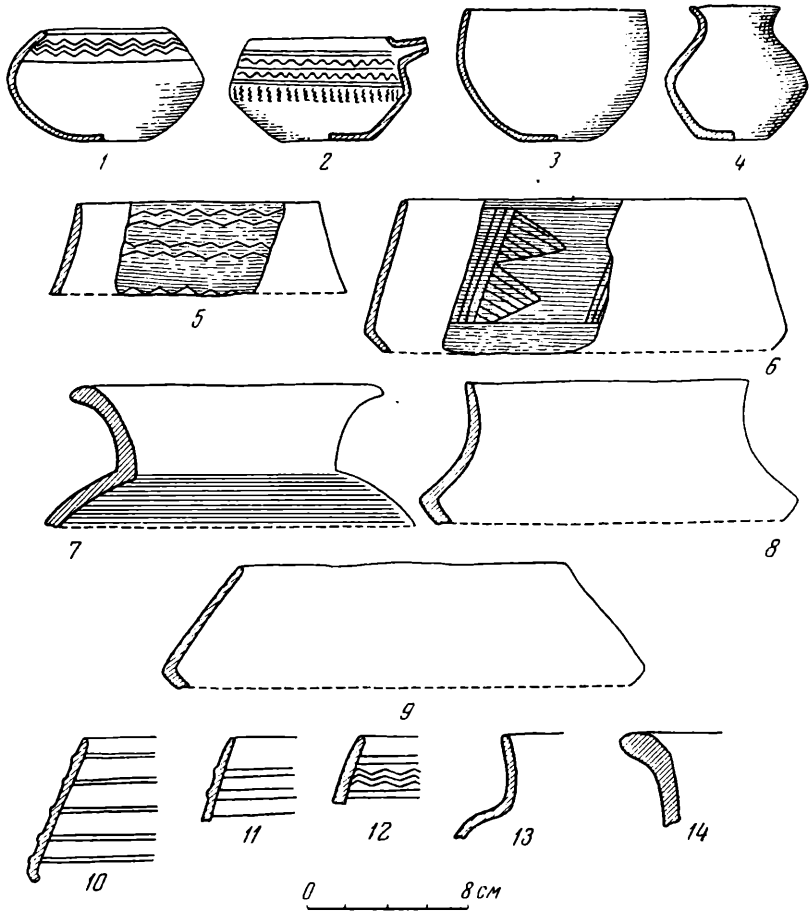

Рис. 18. Кара-депе. Сероглиняная керамика.

Сероглиняная посуда почти вся покрыта лощением и украшена или процарапанным, или «гофрированным» орнаментом (рис. 18). Ее формы более аккуратны, выделка лучше. Из форм характерны биконические сосуды, горшки с высоким горлом, маленькие горшочки, чашки и, в единственном экземпляре, сосуд с носиком (рис. 18 — 2).

К грубой хозяйственной посуде относятся хумы, покрытые красным ангобом, тазы до 0,6 м в диаметре, сферические котлы со слабо выступающим валиковым венчиком. К этой же группе, вероятно, принадлежат серо-

[7] E. F. Schmidt. Tepe Hissar. Excavations 1931. The Mus. Journ., v. XXIII, Philadelphia, 1933.

[8] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan. 1933, 1934, 1937, t. I. Paris, 1938, pl. 1, LXXV—LXXXIII.

глиняные сосуды на нескольких (3 или 4) ножках, найденные пока только во фрагментах.

Посуда изготовлялась не только из глины — в ходе работ найдены фрагменты сосудов из мраморовидного камня белого и розового цвета, покрытых каннелюрами или валиковым и врезанным орнаментом. Из камня же был изготовлен многочисленный хозяйственный инвентарь: зернотерки, куранты, ступки, песты и так называемые «гири» — плоские каменные изделия с ручкой, хорошо известные из верхних слоев Гисара[9] и холмов Анау[10]. Из глины изготовлялись многочисленные пряслица и ядра для пращей.

Металл представлен только медной «лопаточкой» и несколькими бесформенными фрагментами. По-видимому, он был дорог и сломанные вещи или сработанные инструменты шли в переплавку.

Многочисленные кости домашних животных позволили определить примерный состав стада: крупный рогатый скот, лошади(?), свиньи и мелкий рогатый скот, который явно преобладал.

Существенное значение для восстановления картины духовной жизни древнего населения Кара-депе имеют многочисленные и разнообразные статуэтки из обожженной и необожженной глины. Большинство составляют женские фигурки (найдено 9 целых или почти целых и одна головка). Они подразделяются на три типа, объединенных общим признаком: все фигурки сидящие; ноги неразъединенные и даны обычно в плавном изгибе.

Статуэтки первого типа (3 экземпляра, из необожженной глины) выполнены в более реалистичной манере[11]. Изящная талия, широкие плечи, руки в виде конических отростков, доведенные почти до локтя, близко посаженные конические груди. Фигурки изготовлены из зеленой глины и покрыты желтой краской, которая при обжиге дает зеленовато-белый цвет. Поверх нее красной краской нанесена роспись, состоящая из полоски вокруг шеи, а на плечах — парных полосок, концы которых спускаются на спину.

Второй тип — изображение женщины, без рук, груди отсутствуют, ноги как бы разделены бороздкой[12]. Лицо сделано защипом; вдавлениями трактованы глаза; голову украшает довольно сложная прическа. Статуэтки этого типа известны шире в слоях раннего периода Намазга III на Геоксюре.

Третий тип наиболее распространенный. Ноги плавно изогнутые, вылеплены вместе и как бы разделены бороздкой; четко выражены признаки пола в виде прочерченного равнобедренного треугольника вершиной вниз; вместо торса — небольшой отросток, оканчивающийся закруглением на уровне талии[13].

Женские статуэтки первого типа можно определенно считать домашними идольчиками. Эту мысль полностью подтверждает ритуальная сцена, сохранившаяся на одном из фрагментов керамики. Женская статуэтка изображена в обычной передневосточной манере: голова и ноги повернуты в профиль, плечи развернуты в фас. По обе стороны помещены фигуры двух людей, повернутых к ней лицом. Статуэтка, если считать, что более или менее правильно выдержаны пропорции между ней и фигурами людей, должна была изображать крупного идола около 0,6 м высотой.

---

[9] E. F. Schmidt. Excavations of Tépe Hissar. Philadelphia. 1937.

[10] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. II. Washington, 1908.

[11] См. В. М. Массон. Изучение анаусских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 25 — 7. Далее в статье ссылки именно на эту работу В. М. Массона.

[12] В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25 — 5.

[13] Там же, рис. 25 — 6.

Наличие у «анаусских» племен крупных идолов подтверждается найденным Б. А. Куфтиным в 1952 г. на поселении Намазга-депе фрагментом верхней части мраморного торса с узкой талией, широкими плечами и короткими руками [14].

Изображения женского божества, судя по их количеству и дешевизне материала, из которого они изготовлены, подтверждают мысль, выдвинутую Г. Чайлдом при характеристике месопотамских культур обеидского времени; он полагает, что в общине, наряду с публичным поклонением божествам, совершались и более интимные магические обряды [15]. Найденные нами статуэтки, очевидно, можно считать источником, который должен пролить свет на еще неизвестные стороны духовной культуры древнеземледельческих общин, связанные с культом плодородия.

К особо интересным находкам относятся две терракотовые головки статуэток, по-видимому, мужских.

Первая — голова «воина» [16]. Она слегка удлиненных пропорций; покатый лоб, крупный нос и небольшой рот. Глаза и процарапанные брови вразлет выполнены в своеобразной манере — зрачок в виде выпуклой круглой лепешечки заключен в миндалевидный валик, очерчивающий границы глаза. От слабо выступающего подбородка тянется длинная узкая борода, разделенная на две пряди. Голову покрывает шлем, сзади он спускается изогнутой пластиной на затылок и охватывает верхнюю часть шеи. От висков вниз свисают нащечные пластины. Поверх шлема наложен круглый валик, вероятно, имитирующий диадему. От темени назад, на шею, ниспадает длинная коса, вероятно, искусственная, прикрепленная к шлему в качестве султана.

Вторая найденная головка [17] покрыта зеленоватым ангобом и раскрашена коричневой краской. Овал лица широкий, нос крупный, сильно выступающий, и слабо выраженный подбородок. Рот и глаза сделаны широкими вдавлениями, ушные раковины налепные, а ушные отверстия проколоты. Полосками краски даны разлетающиеся брови, глаза и плечо. Краска, покрывающая голову и брови, изображает, по-видимому, волосы.

При сопоставлении этих головок выявляются некоторые признаки, позволяющие говорить об их известном родстве в антропологическом отношении. По-видимому, изображен один и тот же этнический, но, возможно, различные этнографические, а может быть и социальные, типы.

Вторая из найденных головок находит свои прототипы в геоксюровском варианте расписной керамики Южной Туркмении. На Геоксюре в слоях раннего периода Намазга III была собрана коллекция аналогичных головок, по технике изготовления, стилю и общему облику близко напоминающих кара-депинскую [18]. Их количество и длительное время существования свидетельствуют о местной художественной традиции в изготовлении антропоморфной терракотовой скульптуры. Возможно, этот вид статуэток отражает основные этнические черты населения подгорной полосы III тысячелетия до н. э.

Головка «воина» находит аналогии среди памятников искусств южной Месопотамии и западного Ирана III тысячелетия до н. э. Шумеры обычно не носили бород и кос, и шлемы их несколько отличны, но ношение бород и, по-видимому, кос было в обычае у некоторых племен, обитавших к во-

---

[14] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 289, рис. 43.

[15] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 189.

[16] В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25 — 1.

[17] В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25 — 2.

[18] См. статью В. И. Сарианиди в настоящем выпуске КСИИМК.

стоку от Шумера, с которыми у шумеров происходили постоянные военные столкновения, в результате чего в их среду могли проникать образцы шумерского военного снаряжения, причем здесь оно получало свои специфические особенности. Об этом свидетельствуют изображения эламских воинов на обломке бронзового барельефа, найденного в Сузах в 1898 г., головы воинов покрыты похожими шлемами [19]. Так как восточная периферия Шумера подвергалась сильному воздействию месопотамской цивилизации, легко объяснимо наличие косы на шлемах воинов сузского барельефа — переняв многое от шумеров, эламитяне могли перенять также манеру имитировать на шлемах прически; последнее нам хорошо известно по шлемам раннешумерских царей — Мескаламдуга [20] и Эаннатума [21].

В настоящее время еще не установлены восточные границы расселения луллубеев, касситов и других племен [22], к которым с востока и северо-востока могли примыкать родственные им племенные группы; мы можем полагать, что головка статуэтки «воина» из верхнего слоя Кара-депе отражает этнический тип и военный наряд представителя одного из этих периферийных племен.

Краткий обзор коллекции антропоморфных статуэток с Кара-депе показывает, что наряду с женскими идольчиками ярко выраженного религиозного характера, существовала группа терракотовых фигурок, имевших, кроме культовой символики, еще и «светский» характер, видимо, слабо развитый. Предположение о наличии «светской» скульптуры позволяет поставить вопрос о том, представители каких социальных групп могли быть изображены. Видимо, такого рода статуэтки могут свидетельствовать о значительных сдвигах в сторону усложнения родовой организации, о появлении отдельных людей, облеченных выборной властью по отношению к основной массе населения в поселках общинного типа.

Таким образом, материалы из раскопок верхнего слоя поселения на Кара-депе позволяют предполагать, что население жило большими патриархальными семьями (с тенденцией к увеличению их числа), которые были объединены родовой организацией. Они занимались земледелием, используя воду с Копет-дага, и разводили домашний скот. Развиваясь в качестве замкнутой хозяйственной единицы, они тем не менее не были изолированными и поддерживали связь с близлежащими общинами. Более того, по некоторым находкам можно заключить, что вся область культуры с расписной керамикой Южной Туркмении была тесно связана с областями северного и западного Ирана и, возможно, с культурами Белуджистана.

---

[19] J. de Morgan. Fouilles à Suse en 1897—1898 et 1898—1899. MDP, t. I, pl. XIII. Paris, 1912, p. 163—164.
[20] L. Woolley. Ur Excavations. V. II, The Royal Cemetery. London, 1934, pl. 150.
[21] E. de-Sarzec. Decouvertes en Chaldée, 1912, pl. 3-bis.
[22] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 101—119.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

98

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 98 1964 г.

И. Н. ХЛОПИН

МОДЕЛЬ КРУГЛОГО ЖЕРТВЕННИКА ИЗ ЯЛАНГАЧ-ДЕПЕ

В 1960 г. для установления стратиграфии энеолитического поселения Ялангач-депе [1] в Геоксюрском оазисе, расположенном юго-восточнее г. Теджена (Туркменская ССР), был заложен шурф в центре холма, в помещении № 1. На уровне четвертого строительного горизонта в стенке шурфа обнаружена крупная корчага (диаметр венчика 0,6 м), врытая в пол одного из

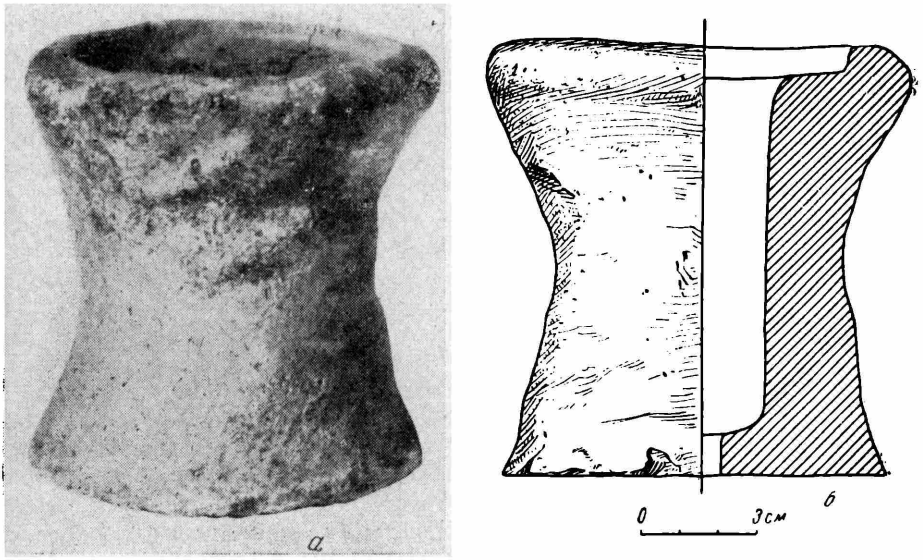

Рис. 12. Модель жертвенника из Ялангач-депе

а — внешний вид; *б* — разрез

помещений. В 1961 г. эта корчага, покрытая шевронным узором, была расчищена и извлечена из шурфа. При расчистке оказалось, что внутрь ее вложен сосуд меньшего размера, а в последнем находился своеобразный предмет, которому и посвящено настоящее сообщение.

Найденный предмет — цилиндр высотой в 11 см, с заметно и неравномерно вдавленными стенками — изготовлен из очень пористой глиняной

[1] И. Н. Хлопин. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. КСИА АН СССР, вып. 93, стр. 75—80.

массы. Его ровную верхнюю поверхность диаметром 8 см окружает по краю невысокий округлый бортик. Общий диаметр верхней плоскости цилиндра равен его высоте, т. е. также 11 см. В центре предмета проделан вертикальный цилиндрический канал диаметром в 3,5 см, однако у основания в канале цилиндра есть ступенька, за счет которой его диаметр сужается до 1 см (рис. 12).

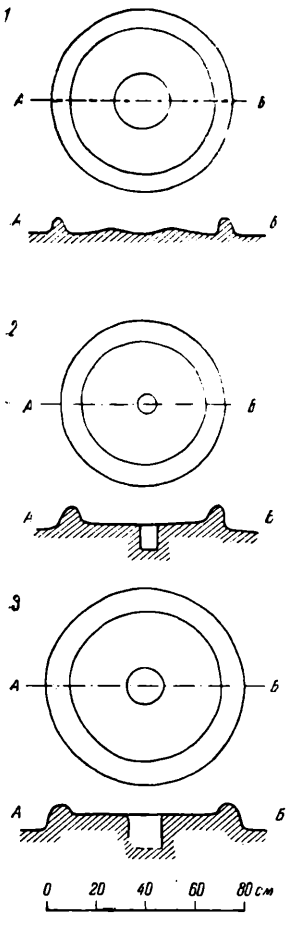

Рис. 13. Круглые жертвенники с поселений Геоксюрского оазиса

1 — поселение Айна-депе, помещение 5; *2* — поселение Геоксюр 7, помещение 1; *3* — поселение Геоксюр 1, помещение 31

Необычный вид находки, не позволяющий причислять ее к предметам домашнего обихода древних земледельцев поры раннего энеолита (IV тысячелетие до н. э.), побуждает нас искать аналогии для ее интерпретации среди предметов культа племен, населявших эту же территорию. Действительно, на поселениях Геоксюрского оазиса найдены аналогичные предметы, но значительно большего размера. Это — своеобразные круглые очаги позднеялангачского и геоксюрского времени, расположенные на полу некоторых помещений и весьма редко встречающиеся. Всего их найдено восемь экземпляров.

Наиболее ранний очаг такого типа расчищен на поселении Айна-депе (Геоксюр 6) [2], в одном из углов помещения № 5 третьего строительного горизонта (рис. 13 — *1*). Его диаметр 0,7 м, и он окружен по краю глиняным валиком высотой в 8 см. Внутреннее его пространство ровное, но слегка повышается от бортика к центру. В центре — неглубокая лунка около 16 см в поперечнике. Поверхность очага покрыта тонкой обожженной глиняной коркой, причем в центре она крепче, чем по краям, у бортика. Лунка была заполнена плотно слежавшейся золой.

Второй очаг (рис. 13 — *2*), почти одновременный предыдущему, находился в центре круглого помещения № 1 верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 7 [3]. Его диаметр близок к 0,7 м, а окружающий его валик возвышался над уровнем пола почти на 10 см. Если у предыдущего очага внутреняя плоскость находилась практически на одном уровне с полом помещения, то у второго она приподнята на несколько сантиметров. В центре очага — вертикальный цилиндрический канал диаметром около 6 см. Очаг не был обожжен, но коричневый (а не зеленый) цвет глины, из которой он сделан, все же указывает на действие слабого огня.

Третий очаг (рис. 13 — *3*) расчищен в помещении № 31 верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр [4]. Если два предыдущих почти одновременны, то этот уже относится к следующему культурно-историческому периоду и «моложе» на 4—6 строительных периодов. Он окружен невысоким, тщательно выведенным валиком, и его внутренняя плоскость также слегка приподнята над уровнем пола. В центре предмета — цилиндрическое отверстие 0,2 м в диаметре. Его стенки гладко обмазаны и сильно обожжены, причем они уходят ниже уровня пола примерно на 0,2 м.

---

[2] Раскопки И. Н. Хлопина 1961 г.

[3] Раскопки В. М. Массона 1961 г.

[4] В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений анауской культуры, СА, 1962, № 1, стр. 49—51.

Остальные пять очагов, аналогичные геоксюрскому, вскрыты в помещениях верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 5 [5], последнего обитаемого места Геоксюрского оазиса. Все они «моложе» верхнего слоя Геоксюра на 1—2 строительных периода.

При ближайшем сравнении найденной на Ялангач-депе глиняной поделки с рассмотренными выше глинобитными очагами выявляется их поразительное сходство. Везде присутствует и валик по краю, и горизонтальная внутренняя поверхность, и вертикальный цилиндрический канал в центре.

Единственное, что может вызвать возражение,— это то, что очаги практически не возвышаются над уровнем пола, а ялангачская находка имеет столбчатое основание. Но это различие легко объясняется: если бы этого основания не было, то ее дно не достигло бы в толщину и одного сантиметра, что сделало бы ее крайне непрочной. Исходя из наблюдаемого сходства, даже тождества, можно с уверенностью полагать, что найденный глиняный предмет — это уменьшенная примерно в 7 раз копия круглых очагов.

Все перечисленные круглые очаги, особенно относящиеся к геоксюрскому времени (позднее Намазга II — ранее Намазга III), расположены в центре не очень крупных прямоугольных помещений (площадь от 17 до 7,5 м^2), которые с полным основанием можно считать наиболее древними для геоксюрской группы поселений культовыми зданиями [6] или, вернее, святилищами [7].

В литературе было высказано мнение о специальном назначении подобных помещений в качестве места, где производились человеческие жертвоприношения с последующей кремацией жертв. Оно возникло потому, что нижние части стен, пол, порог и круглый очаг в помещении № 31 поселения Геоксюр носят следы некогда бушевавшего здесь пожара [8]. Более того, на уровне пола помещения найдены три скелета, заваленные глиняными сильно обожженными блоками с отпечатками прутьев и тростника. Что касается первого скелета, положенного в скорченном положении вдоль северо-западной стены, то это — обычное впускное в культурный слой погребение с двумя сосудами: сероглиняной миской и расписной раннегеоксюрской чашей [9].

Два других костяка лежали по обе стороны очага, причем один из них почти полностью разрушен более поздней ямой, а второй сильно разрознен. Создается впечатление, что ни тот, ни другой покойник не был погребен намеренно.

Имеющиеся данные не позволяют сделать предположение, что полученная после расчистки геоксюрского святилища картина якобы свидетельствует о человеческих жертвоприношениях и обряде трупосожжения у позднеэнеолитических земледельцев Геоксюрского оазиса. Скорее всего, это результат несчастного случая, вызвавшего неожиданный сильный пожар; жертвой его и стали два человека, застигнутые им врасплох. Очевидно, они задохнулись от дыма и были раздавлены рухнувшей кровлей. Не исключена возможность, что поздняя яма, разрушившая один из костяков, свидетельствует о том, что по прошествии какого-то времени были предприняты попытки отрыть погибших. Святилище не было восстановлено; возможно, этот участок поселения был на какое-то время заброшен, а затем поверх руин построены новые помещения.

Таким образом, святилища никак нельзя считать специально предназначенными для совершения жертвоприношений или для трупосожжения.

---

[5] В. И. Сарианиди. Указ. соч., стр. 51.

[6] В. И. Сарианиди. Указ. соч., стр. 48—49.

[7] И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. Автореф. канд. дисс. ЛГУ, 1962, стр. 14, 16.

[8] Подробное описание этого помещения и обоснование указанной точки зрения см. В. И. Сарианиди. Указ. соч., стр. 49—51.

[9] В. И. Сарианиди. Указ. соч., рис. 4, *1*.

Несмотря на значительную площадь раскопанных поселений, до сих пор не обнаружено реальных следов кремации покойников; к тому же вряд ли смертность среди древних геоксюрцев была столь высока, что жители каждого многокомнатного дома строили свой индивидуальный крематорий.

Итак, круглые очаги геоксюрского времени — непременные атрибуты специальных «квартальных» святилищ. Бесспорно, они играли существенную роль при отправлении культовых церемоний, составной частью которых было, очевидно, возжигание священного огня и поклонение ему; поэтому будет значительно вернее полагать эти сооружения не очагами, а алтарями или жертвенниками [10]. И если действительно на них приносились жертвы, то это были плоды земли, хлеб, продукты животноводства и охоты.

Возможно, в категорию последних надо включать и жертвенных животных с последующей ритуальной трапезой — реликтовой формой поедания тотема с целью приобщения к нему.

Особое назначение круглых «стационарных» алтарей очевидно. А что же представляла собой их глиняная копия? Не исключена возможность, что раскопки дали в руки исследователей не только модель жертвенника; это мог быть переносный жертвенник, который служил для определенных церемоний вне поселения,— допустим, в поле или в пути.

На геоксюрском этапе (первая треть III тысячелетия до н. э.) отмечается появление совершенно новых элементов культуры, связанных с изменением общественной структуры и влиянием извне, со стороны областей Переднего Востока. Среди них оригинальная орнаментация керамики [11], изменения в погребальном обряде [12] и в антропологическом типе [13]. Однако круглые жертвенники в святилищах не входят в число новых элементов культуры, поскольку их прототипы (на Айна-депе и Геоксюре 7) относятся к более раннему, ялангачскому времени.

На ялангачском этапе (конец IV — начало III тысячелетий до н. э.), как полагают некоторые исследователи, прослеживается проникновение влияний убейдской культуры в Геоксюрский оазис — своеобразная банковидная посуда с оригинальной орнаментацией (V строительный горизонт Геоксюр I, первый горизонт Ялангач-депе, Айна-депе, Анча-депе) и круглые постройки [14]. В это же время зафиксированы и наиболее ранние круглые алтари. На основании этого названные сооружения можно было бы причислить к приносным элементам культуры и искать место их возникновения за пределами Южного Туркменистана.

Находка модели круглого жертвенника позволяет поставить вопрос о сугубо местном возникновении как самих круглых алтарей, так и идеологических воззрений, связанных с их использованием. Корчага, в которой находилась модель, была впущена в пол помещения четвертого строительного горизонта Ялангач-депе. Что же касается убейдского влияния, то в настоящее время снимается один из двух аргументов его проникновения, а именно, вертикальная орнаментация банковидных сосудов. Как удалось установить, эта система орнамента вырастает на местной почве; ее первоосновой служили полихромные узоры на керамике стиля Намазга II с поселений подгорной полосы Копет-дага. В свете этого надо полагать, что происхождение и круглых построек ялангачского этапа может оказаться местным.

---

[10] Такого же взгляда придерживается В. И. Сарианиди (Указ. соч., стр. 49).

[11] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.

[12] В. И. Сарианиди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238.

[13] Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 514—516.

[14] В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 3—12.

Следовательно, при современном уровне наших знаний можно полагать, что идеи, связанные с сооружением круглых жертвенников, возникли в ранние периоды истории древних земледельцев (не позднее последней фазы периода Намазга I, т. е. второй половины IV тысячелетия до н. э.). Что это были за верования, пока судить трудно, но можно полагать, что круглый жертвенник изображал солнце. В основе его лежит окружность с точкой в центре, а с подобными солярными символами мы часто сталкиваемся в орнаментации не только керамики, но и женских статуэток времени Намазга II — Намазга III [15]. Солнечный диск — жертвенник на ялангачском этапе — имел варианты в своей конструкции; на геоксюрском этапе мы уже отчетливо видим его канонизированную форму и «стандартные» размеры.

---

[15] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XI, 7; XIV; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, табл. XXII, 7, 12, 15, 20; XXXVI, 14.